

О ВЕКТОРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ «ЗЕЛЕННЫХ» ФИНАНСОВ «ЗЕЛеноЙ» ЭНЕРГЕТИКИ

DOI 10.18572/2312-4350-2020-1-26-33

Клеандров Михаил Иванович,

главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук,
главный научный сотрудник
Центра энергетического права
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета
член-корреспондент Российской академии наук

■ energylaw211@unecop.ru

В последние годы, как известно, обострилась ситуация — в глобальном масштабе — с климатом на нашей планете. Отсюда усиление внимания к технологиям, резко сокращающим негативное воздействие на окружающую среду, причем в масштабах, обоснованно получивших закрепление в понятии «зеленая» экономика. Важнейшим сектором экономики, в том числе «зеленой», является энергетика, а для нашей страны ее направление — «зеленая» энергетика. В статье рассматривается проблематика правового обеспечения «зеленой» энергетики и делается вывод: среди правовых средств обеспечения ее эффективности важную роль играют «зеленые» финансы, представляющие собой «мягкую силу» как способ экономического стимулирования снижения ущерба окружающей среде, в первую очередь в деятельности нефтегазового комплекса РФ. По мнению автора, серьезным препятствием в повышении эффективности правового обеспечения «зеленой» энергетики и «зеленых» финансов является правовая неопределенность в вопросе, кто является подлинным собственником еще не добытых природных ресурсов, находящихся в недрах нашей страны, прежде всего запасов углеводородов.

Ключевые слова: энергетическое право, правовое положение энергетических компаний, «зеленая» экономика, «зеленая» энергетика, «зеленые» финансы.

ON THE DEVELOPMENT VECTOR OF “GREEN” FINANCE LEGAL REGULATION IN “GREEN” ENERGY

Mikhail I. Kleandrov,
Chief Research Scientist of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Chief Research Scientist of the Energy Law Center Saint Petersburg State University of Economics
Corresponding Member of the Russian Academy of Science

As is well known, the climate situation has aggravated globally over the last few years. Hence closer attention to technologies dramatically decreasing the environmental impact on a scale reasonably established in the term “green

economy". The power industry is a key sector of any economy, including a "green" one, and our country focuses on its "green" course. This article describes problems of "green" energy legal regulation and concludes that "green" financing which is essentially a "soft power" driving environmental impact reduction economically plays a key part among legal measures ensuring its efficiency, primarily within the Russian oil and gas complex. The author believes the lack of legal clarity in the question "Who is the true owner of yet unextracted natural resources buried in our country's soil, first of all, hydrocarbon reserves?" to be a serious challenge when increasing the effectiveness of legal regulation of "green" energy and "green" finance.

Keywords: energy law; legal status of energy companies, "green" economy, "green" energy, "green" finance.

Проблематикой правового обеспечения «зеленой» экономики, важной отраслью которой является «зеленая» энергетика, давно и плотно занимается юридическая наука [1].

К основным чертам «зеленой» экономики следует отнести: внедрение энергоэффективных технологий, минимизирующих наносимый вред окружающей среде; эффективное использование энергетических ресурсов (энергосбережение); экономическое стимулирование безотходной хозяйственной деятельности предпринимательских структур; совершенствование системы финансовой и иной поддержки деятельности по охране окружающей среды.

Как известно, в центре научного обеспечения правового регулирования деятельности по охране окружающей среды в настоящее время находится отдельная отрасль юридической науки, ныне именуемая «Экологическое право» (раньше это была отрасль «Природоохранное право», еще раньше — подотрасль «Горного права»... и т.д.).

В паспорте научной специальности 12.00.06 «Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право» номенклатуры научных специальностей по праву, утвержденной Приказом Министерства образования и науки РФ от 23 октября 2017 года № 1027 (с изменениями, внесенными Приказом Минобрнауки РФ от 23.03.2018 № 209) [2], к направлениям экологического права, где, безусловно, присутствуют сегменты правового обеспечения «зеленой» экономики, следует отнести «Принципы и объекты охраны окружающей среды», «Виды и содержание экологиче-

ских прав и обязанностей граждан и юридических лиц», «Меры реализации и правовой защиты», «Организационно-правовое обеспечение охраны окружающей среды и экологической безопасности...», «Юридическая ответственность за экологические правонарушения. Экологический правопорядок» и в меньшей мере иные.

Кроме того, к сфере правового обеспечения «зеленой» экономики необходимо отнести и некоторые направления научной специальности шифра 12.00.14 «Административное право; административный процесс», такие как «Административное правонарушение», «Отраслевое административно-правовое регулирование в хозяйственно-экономических комплексах». Есть отдельные сегменты искомого правового регулирования и у такой отрасли юридической науки, как «Предпринимательское право» (в рамках научной специальности шифра 12.00.03).

И уж более серьезные и более обширные научные направления правового обеспечения «зеленой» экономики закреплены в паспорте научных специальностей по юриспруденции под шифром 12.00.07 «Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право» — в специальности «Энергетическое право». Это такие подотрасли науки энергетического права, как «Энергетическая стратегия России», «Энергоэффективность и энергосбережение», «Государственное регулирование пользования первичными источниками энергии», «Правовой режим возобновляемых источников энергии», «Реэнергетика», «Право экологической безопасности в энергетике (энергетическая экология)» и др.

Таким образом, можно уверенно сказать: поскольку энергетика есть важная часть (отрасль) экономики (народнохозяйственного комплекса), то «зеленая» энергетика — важная часть «зеленой» экономики, здесь соотношение вида и рода.

«Зеленая» же энергетика — это прежде всего та, источником которой является возобновляемая энергия: гидроэнергия ветра, энергия морских волн (приливов и отливов); энергия солнечного света; геотермальная энергия; энергия температурного градиента морской воды; биоэнергетика. Проблематика правового регулирования отношений в сфере «возобновляемой» (или «альтернативной») энергетике находится в поле зрения наших ученых [3], в том числе в форме диссертационных исследований [4].

Но при этом возникает резонный вопрос: невозобновляемая энергия — та, которая образуется от использования нефти, газа (иных углеводородов угля), — так уж не может относиться к сфере «зеленой» энергетике? Прежде всего в части ее правового обеспечения? Ее доля в общем энергетическом комплексе экономики нашей страны огромна, многократно превышает объемы альтернативной (возобновляемой) энергетике. Соответственно, эффективность совершенствования правового регулирования отношений в ней несопоставимо выше эффективности совершенствования, причем во всех векторах правового регулирования отношений в сфере чисто «зеленой» энергетике. И если это совершенствование будет ориентировано на снижение ущерба, наносимого окружающей среде посредством использования нефти, газа, угля... на укрепление правовыми средствами экологической безопасности и экономического правопорядка в нефтегазовом секторе энергетике, то есть все основания считать — это и будет совершенствование правового обеспечения в сфере «зеленой» энергетике.

Однако здесь образуется в научно-стратегическом плане дилемма: какими правовыми средствами обеспечивать названное совершенствование — жестко, административным принуждением либо «мягкой силой», прежде

всего финансово ориентированным стимулированием. А это уже, по существу, «зеленое» финансирование — в рамках «зеленой» энергетике.

Отечественная наука пока в этой сфере делает, образно говоря, первые шаги, но уже экспертным советом по рынку долгосрочных инвестиций Банка России в 2019 году разработана весьма объемная и неплохо структурированная концепция организации в России методологической системы по развитию зеленых финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования, чему в определенной мере способствовали профильные научные публикации как по проблематике «зеленой» экономики [5], так и непосредственно по проблематике «зеленого» финансирования [6].

На очереди, естественно, соответствующие научные публикации, как результат глубоких НИР, по проблематике правового обеспечения развития «зеленых» финансов.

Но не право, в принципе, определяет стратегию развития экономики, тем паче «зеленой» экономики. Общество вообще развивается не по юридическим законам, а нередко и вопреки логике развития общества, сформулированной наукой. В сфере же энергетического сектора экономики ситуация с определением стратегии ее развития вообще может стать критически значимой.

И прежде всего это относится к «зеленой энергетике», являющейся важным сегментом «зеленой» экономики. По сути дела, даже не совершенствование, а доктринальное определение вектора развития правового регулирования «зеленой» экономики, а в ее структуре — «зеленой» энергетике — зависит от ответа на принципиальный вопрос: зависит ли глобальное потепление на нашей планете от техногенной деятельности человеческой цивилизации, а если зависит, то в какой мере?

Ведь к настоящему времени нет, по большому счету, к сожалению, ясности, по какому варианту, в своей основе по какой причине теплеет на Земле климат, следствием чего являются разнообразные природные аномалии, приносящие большой вред человечеству.

Первый вариант — виновато человечество (в той или иной мере, прежде всего отдельные страны, техногенная деятельность в которых не способствует снижению выбросов парниковых газов, снижению концентрации углекислого газа в атмосфере и т.д., то есть не обеспечивают необходимую степень экологической безопасности). В результате тают ледники, включая ледяной щит Арктики и купол Антарктиды, повышается уровень мирового океана, что вскоре приведет к затоплению ряда низко лежащих над уровнем моря территорий нескольких государств, увеличивается число и степень опасности и последствий пожаров, засух и наводнений, сокращаются морская флора и фауна, в результате оттаивания обширных территорий вечной мерзлоты увеличивается число аварий находящихся там объектов производственной и социальной инфраструктуры и возрастает тяжесть последствий этих аварий и т.д.

Второй вариант — человечество, его техногенная деятельность в глобальном потеплении климата на Земле практически не виновато, во всяком случае, влияние этой деятельности в данном «грехе» крайне малозначительно. Есть весомые и в достаточной мере всем известные доказательства того, что само по себе глобальное потепление климата на Земле — лишь очередной этап ее существования: даже на протяжении всей известной человеческой истории глобальный климат, прежде всего средняя температура воздуха, менялся в довольно широких пределах — многие территории (та же Гренландия) замерзали и оттаивали, имели место серьезные наводнения, вызванные таянием ледников, включая те же ледяной щит Арктики и купол Антарктиды, и проч. Менялось и содержание углекислого газа в атмосфере, и это во времена, когда уровень развития промышленного производства у самых развитых государств (и догосударственных образований — из нам ныне известных) был столь низок, что принципиально не мог отрицательно экологически воздействовать на климат планеты. А уж о еще более древних временах, когда человечество вообще не существовало, и говорить не приходится.

Безусловно, между этими вариантами — крайними позициями — как посередине, так и со смещением в ту или иную сторону, скорее всего, и находится истина. Также, безусловно, причинами глобального изменения климата нашей планеты могут быть (и были на планете Земля, и недавно, и очень давно) и внешние по отношению к планете факторы: падения крупных метеоритов, прохождение Земли (вместе со своей Солнечной системой) в своем движении по орбите вокруг центра Галактики «Млечный путь» через пространства, могущие своими физическими полями влиять на климат Земли (и иных планет Солнечной системы), и иные вообще не известные современной земной науке факторы... Но это уже форс-мажорные обстоятельства, от техногенной и иной деятельности человечества никак не зависящие.

Однако непреложным фактом является то, что на настоящем этапе развития человеческой цивилизации климат на Земле объективно теплеет. И наиболее активно это потепление проявляется в нашей стране — в Арктике, Северной Сибири и на севере Дальнего Востока.

С одной стороны, это может быть для нашей экономики хорошо: оттаявшие от «вечной мерзлоты» огромные территории могут быть вовлечены в сельскохозяйственный оборот — со всеми положительными от этого последствиями.

С другой стороны, в ряде иных государств из-за засух, обмеления рек и прочих проявлений природных аномалий, вызванных потеплением климата, могут появиться, и в огромном количестве, «климатические беженцы», что с очевидностью приведет к росту политической напряженности и, не исключено, к вооруженным конфликтам.

Наконец, с третьей стороны, не факт, что оттаявшие огромные территории бывшей вечной мерзлоты превратятся в гигантские огороды. Известно, что во многих местностях вечной мерзлоты на Севере России находится в замерзшем состоянии метан, который, оттаяв, «выбросится» в атмосферу, усугубив тем самым климат на Земле, и процесс этот будет не одномоментным, а весьма

продолжительным (сотни лет?) по времени, что может воспрепятствовать, если совсем не исключить возможность включения этих территорий в сельскохозяйственный оборот и, может быть, исключит саму возможность проживания людей (и, соответственно, ведение хозяйственной деятельности) на этих территориях.

Так каким вектором (из названных) нам двигаться в своем развитии — обществу, экономике, энергетике? И не законодательством это определять и закреплять. Дело законодателя — обеспечить правом законодательно и нормативно выбранный вектор развития экономики, который, в свою очередь, зависит от того, каким будет избранный руководством страны вариант убежденности в истинной причине глобального изменения климата.

А избран ли руководством страны этот вектор? Не факт. Не факт даже, что есть уверенность в неуклонном потеплении климата на Земле, прежде всего на северных территориях нашего государства. Иначе чем объяснить следующий парадокс?

Если имеет место серьезное потепление климата, в том числе на севере России, то естественным будет ожидать серьезного потепления вод Северного Ледовитого океана. А значит, ото льда освободится, правда, не одновременно, но довольно быстро, Северный морской путь, а это серьезное изменение в пользу нашей экономики всей навигации и объемов грузоперевозок по нему.

Но ведь у нас запроектировано строительство немалого ледокольного флота — в целях сопровождения грузовых судов по Северному морскому пути! И это строительство ведется. Сейчас в акватории Северного морского пути действуют 4 атомных и 4 дизель-электрических ледокола, строятся на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге по заказу Росатомфлота три атомохода, предполагается дополнительно в ближайшие годы построить еще 12 ледоколов. В мае 2018 года на ПМЭФ генеральный директор госкорпорации «Росатом» А. Лихачев оценил затраты на строительство новых ледоколов в 500 млрд руб. И само строительство мощных ледоколов (о чем восторженно иногда изве-

щают разнообразные СМИ) с их типовым проектированием, и их эксплуатация — все это в совокупности весьма значительные траты из федерального бюджета и крупных коммерческих компаний. Но если лед на всем протяжении Северного морского пути вскоре растает, зачем нужны эти мощные ледоколы? Их даже для перевозки грузов, тем более пассажиров, не приспособить? Следовательно, можно предположить, что в этом случае владел стратегический расчет на прекращение глобального потепления климата (нельзя же предположить, что расчет был на прекращение потепления климата лишь в районе Северного морского пути). Либо то, что на самом деле глобального потепления вообще нет, а есть лишь эпизодические климатические изменения, и лед в Северном Ледовитом океане, а с ним и вечная мерзлота на северных территориях России не растают.

И этому есть серьезные подтверждения. Так, например, руководитель Секции океанологии, физики атмосферы и географии РАН академик РАН Г. Матишов (человек, без сомнения, сведущий в данной проблеме) высказался по этому вопросу довольно резко: «Я в Арктике с 1965 года, десятилетия изучал океанические зоны вокруг ледников. И когда меня спрашивают о глобальном потеплении, я отвечаю — нет его. Шарлатаны есть, а потепления нет...» [7].

А здесь проглядывает (даже встает во весь рост) еще более фундаментальная, прежде всего научная (но что принципиально важно — научно-юридическая) проблема. Академическая наука, в отличие от поисковой, тем более прикладной, призвана, можно сказать, прямо обязана исследовать самые фундаментальные проблемы, в том числе жизнедеятельности общества и государства. В полной мере это главная задача академической юридической науки.

И в рамках этой парадигмы изначально необходимо в плане рассматриваемой проблемы поставить базовый вопрос и попробовать поискать ответы на него. А вопрос правовой такой: кому принадлежат природные ресурсы, прежде всего углеводородные ресурсы, в нашей стране?

Кто в качестве их собственника может и должен определять стратегию развития энергетического сектора экономики, учитывая (или пренебрегая) при этом решением подчас затратных экологических задач?

Действующая Конституция РФ обходит этот вопрос, ограничиваясь провозглашением частью 2 статьи 9 постулирования: «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». То есть природные ресурсы, данные гражданам нашей страны Богом, лишь могут находиться в собственности различных ее форм. А у кого изначально, от природы, они находятся, хотя бы абстрактно?

Ведь часть 2 статьи 36 Конституции РФ провозглашает: владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. Но кто изначально стал (оказался) собственником тех или иных природных ресурсов, кто осуществляет их владение, пользование и распоряжение? Государство? Но об этом в действующей Конституции РФ не сказано. Между тем статьей 11 Конституции РСФСР 1978 года провозглашалось: «В исключительной собственности государства находятся: земля, ее недра, воды, леса...». Провозглашалось также в том числе в учебной литературе, что природные ресурсы (и проч.) — это общенародная собственность; иногда социалистическая, причем зачастую эти понятия отождествлялись.

Но ведь собственность (а природные ресурсы — это собственность, ее объекты) не может быть без собственника, а кто собственник природных ресурсов России с 12 декабря 1993 года? Косвенным образом, через анализ преамбулы Конституции РФ, можно предположить, что это субъект, который и принял данную Конституцию: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...», но не только народ 1993 года, а и будущий: «...исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями...».

Можно ли высказать предположение: собственником природных ресурсов России является такой конституционный субъект, как нынешнее и будущие поколения многонационального народа Российской Федерации? Субъект официально не легитимизирован, но существующий, во всяком случае, он по духу Конституции должен быть.

Правда, сразу возникает вопрос: а почему только будущие поколения? Почему и не прошлые, исходя из положения той же преамбулы Конституции РФ 1993 года, «...чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость...».

И это не схоластическое теоретизирование. Если взять за основу, что мы, ныне живущие граждане РФ, есть общество, находящееся между прошлыми и будущими своими поколениями, одновременно уходящее в прошлое и переходящее в будущее, и в этом темпоральном плане выступающее от их имени, то на нас, нынешних, эта парадигма накладывает огромную ответственность, прежде всего в плане экологической «зеленой» энергетики. Важным инструментом — правом — учесть ошибки и недостатки прошлого, правовыми средствами обеспечить будущее...

А здесь у нас очень далеко от благополучия — не только в сфере «зеленых» финансов, и даже не только в сфере «зеленой» энергетики, а прежде всего в сфере «зеленой экономики». У нас, общества, у государства, у многонационального народа Российской Федерации, принявшего в 1993 году свою Конституцию. И даже у каждого гражданина РФ, ведь у нас нет сегодня права гражданина РФ на обязательную часть дохода от добычи полезных ископаемых (права на так называемый «безусловный» доход), а ведь это право есть у граждан ряда зарубежных государств, обладающих, как наше, значительными запасами углеводородного сырья.

Вот конкретная ситуация. Как известно, в настоящее время в мире в нефтегазовой сфере существуют такие основные контракты в области взаимоотношений бизнеса с государством, как концессия, лицензия на

добычу, соглашение о разделе продукции и сервисные контракты, каждый из которых, в свою очередь, разделяется на подвиды. В Саудовской Аравии одна из крупнейших компаний этого государства заключила с государством сервисный контракт (эта форма широко распространена за рубежом) и вела в соответствии с контрактом разведку и добычу нефти, получая по 6 центов с каждого разведанного барреля и по 15 центов с добытого. Реализацией же добытой нефти занималось уже государство. Это означает, что данная компания (как и все нефтегазовые компании в мире, работающие на условиях сервисных контрактов с государством) выступает всего лишь исполнителем, выполняющим определенный контрактом объем работ и получающим за это фиксированную плату. Но право собственности на добытую ею нефть к ней не переходит, а остается за государством. Реализацией же этой добытой нефти занимается государство, в результате вся прибыль от деятельности в этой сфере поступает в бюджет государства, а не компании, добывшей нефть, не посредникам, трейдерам и т.д.

У нас же в реалии в сфере нефтедобычи (и добычи многих иных полезных ископаемых) преобладают лицензии на добычу, а это означает, что добытое сырье становится частной собственностью добывающей компании — со всеми прибылями от этого. Государству же поступают лишь налоги и некоторые обязательные неналоговые платежи от компании-добытчика.

Даже негативное воздействие на окружающую природную среду от деятельности по добыче природных ресурсов долгое время покрывалось не за счет компаний-добытчиков. Пока Конституционный Суд РФ не вынес Постановление от 5 марта 2013 года № 5-П, которым решил вопрос, на кого должна быть возложена обязанность вносить плату за негативное воздействие на окружающую среду (так называемый экологический платеж) — на специализированные организации, осуществляющие сбор, транспортировку и размещение на арендуемом земельном участке (полигоне), твер-

дых бытовых отходов, принимаемых от сторонних организаций и индивидуальных предпринимателей, или же на самих производителей этих отходов, заключающих с такими специализированными организациями гражданско-правовые договоры. Конституционный Суд РФ указал: конституционная обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам имеет всеобщий характер и, будучи частью обеспечительного механизма реализации конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду и других экологических прав, распространяется как на граждан, так и на юридические лица, что с необходимостью предполагает и их ответственность за состояние экологии. Поскольку эксплуатация природных ресурсов, их вовлечение в хозяйственный оборот наносят ущерб окружающей среде, издержки на осуществление государством мероприятий по ее восстановлению в условиях рыночной экономики должны покрываться прежде всего за счет субъектов хозяйственной и иной деятельности, оказывающей негативное влияние на окружающую природную среду. Публичная власть, также несущая конституционную ответственность за сохранение природы и окружающей среды, в свою очередь, обязана принимать меры, направленные на сдерживание загрязнения окружающей среды, предупреждение и минимизацию экологических рисков (см. постановление КС РФ от 5 марта 2013 года № 5-П [8]).

В принципе, эту значимую по многим параметрам правовую позицию Конституционного Суда РФ можно расценивать в качестве постулата: ответственность за нарушение природной среды от деятельности предпринимательских структур при добыче ими природных ресурсов должны покрывать эти самые предпринимательские структуры. Поскольку такая «дефектная» предпринимательская деятельность осуществляется при добыче не принадлежащих названным структурам природных ресурсов (они — в собственности нашего общества), да и ущерб природной среде — это ущерб обществу. ■

Библиография

1. Егорова М.С. «Зеленая» экономика: проблемы и перспективы правового обеспечения / М.С. Егорова, П.А. Глик // *Успехи современного естествознания*. 2014. № 11-2. С. 73–76.
2. Власенко Н.А. Номенклатура и Паспорт научных специальностей по юриспруденции : сборник документов и иных материалов / Н.А. Власенко, И.М. Мацкевич. Москва : Проспект, 2019. 184 с.
3. Копылов А.Е. Дальнейшее развитие законодательной поддержки возобновляемых источников энергии в России / А.Е. Копылов // *Энергетическое право*. 2010. № 1. С. 39–44 ; Папанов К.В. Государственная поддержка развития альтернативной энергетики / К.В. Папанов, А.П. Казанцева // *Предпринимательское право*. 2016. № 2. С. 44–52.
4. Ксиропулос С.Л. Правовое регулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии (гражданско-правовой аспект) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.Л. Ксиропулос. Краснодар, 2013. 24 с.
5. Чугуров Д.Н. Зеленая экономика: содержание, проблемы и приоритетные направления / Д.Н. Чугуров // *Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий : материалы II Международной научно-практической интернет-конференции (г. Вологда, 16–18 мая 2017 г.)* : сборник научных статей. Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2017. С. 179–183 ; Шобей Л.Г. «Зеленая» экономика как альтернативный вариант устойчивого развития / Л.Г. Шобей, В.В. Кубинец // *Вектор экономики*. 2018. № 4 (22). С. 31 ; Шигаев Д.В. Мировой опыт роста «зеленой» экономики / Д.В. Шигаев // *Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий : материалы III Международной научно-практической интернет-конференции (г. Вологда, 16–18 мая 2018 г.)*. В 2 частях. Ч. 2 : сборник научных статей. Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. С. 140–144.
6. Андреева Л.Ю. Институты и инструменты «зеленого финансирования»: риски и возможности устойчивого развития российской экономики / Л.Ю. Андреева // *Лесотехнический журнал*. 2017. № 2. С. 205–209 ; Раков И.Д. Механизмы поддержки финансирования «зеленых проектов»: опыт стран / И.Д. Раков // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2018. № 2 (42). С. 67–82 ; Богачева О.В. Государственные меры по организации и развитию рынка «зеленых» облигаций / О.В. Богачева // *Финансовый журнал*. 2018. № 3 (31). С. 55–65 ; Никитцова А.И. Современное состояние и развитие рынка зеленых финансов в Российской Федерации / А.И. Никитцова // *Аллея науки*. 2018. Т. 7. № 11 (27). С. 97–102.
7. Бровкина М. Хорошо нагретая тема... Глобального потепления нет. Аргументы академика Геннадия Матишова / М. Бровкина // *Российская газета — неделя*. 2020. 12 февраля.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2013 года № 5-П // *СЗ РФ*. 2013. № 11. Ст. 1164.